

КОРИФЕЙ

Татьяна МИХАЙЛОВА

Теоретический диапазон Владислава Стрельчика был поистине безграничен. Он мог играть абсолютно все, и как играл! За 55 лет работы сыграл 70 ролей в театре, столько же в кино и на ТВ и практически не знал провалов или неудач. Были, конечно, роли менее значительные, проходные, но были и вершины, такие, как Цыганов, Соломон, Сальери, генерал Ковалевский, полковник Шабер, множество архив, веселых ролей, которые невозможно забыть. А мечтал он о ролях Лире, Арбенине. Жаль, что этого никогда не случится...

В связи с 75-летием со дня рождения о Владиславе Стрельчике рассказывают его друзья, близкие, коллеги.

Алиса Фрейндлих: "Я проработала в театре много лет, но такого бережного, внимательного, чуткого, тонкого партнера в своей жизни не встречала. Он ни разу не вышел на сцену, не зайдя ко мне в уборную, не сказав каких-то напутственных слов. Сколько лет мы играли спектакль "Этот пылкий влюбленный", это было каждый раз буквально. Видимо, такой энергетический обмен ему был очень важен. А что касается сценического существования, он был очень импровизационен, никогда не пропускал ни одной свежей находки, свежей оценки, это все моментально ловилось: я же вижу, что у него настоящие глаза, я вижу желание получить мяч, чтобы его отбить. Очень живой был процесс, я очень любила с ним играть. Потом мы самостоятельно сделали "Старомодную комедию", он там пронзительно играл, мне безумно нравилось. Вообще Владик отличался тем, что он всегда играл на максимальной отдаче, никогда себя не жалел, не экономил, не оставлял на завтра, каждый спектакль был у него как первый или как последний."

Владик был очень тонкий человек, внимательно отнесся ко мне, когда я пришла в БДТ, в работе мы сдружились окончательно и бесповоротно. Как-то года три назад я очень серьезно заболела, как переживал Владик, он просто волчком вертелся, прибежал ко мне в больницу, доставал лекарства, в баночке приносил из дома какие-то салаты, которые Люся, его жена, только что приготовила. Такой был трогательный, просто до

Избранник Судьбы

к 75-летию со дня рождения Владислава Стрельчика



невозможности.

А как он любил моего внука Никиту, он же его крестил, причем, когда мы ему предложили это, он был страшно взволнован и переполнен такого детского серьеза, как будто ему предложили пост президента.

Очень любил делать людям приятное, любил дарить подарки, и всегда, куда бы мы ни ездили, он покупал в магазине какие-то сувениры, какие-то безделушки впрок, он любил этот процесс дарения, этот ритуал. А что он вытворял на моем юбилее! Мы отмечали его в нашем ресторане в театре. Пришел за мной за кулисы Лавров, чтобы проводить меня, поднимаясь мы по нашей главной лестнице на площадку, и... я обалдела: наверху стоит вся труппа, Владик сидит за ударными инструментами, и звучит роскошный брейк, как будто он всю жизнь играл в джаз-оркестре. Потом они все поют песню, я, конечно, тут же даю реву, невозможно было удержаться. За столом он, естественно, был тамадой, весь вечер был веселый, остроумный, ничто не предвещало, что через какие-то два месяца с ним произойдет эта страшная трагедия, ведь он фактически уже был болен. Душа у него была очень пластичная и сопереживательная. До сих пор невозможно поверить, что такого жизнеплетущего человека нет, это не вяжется с ним, страшно не хватало его..."

Одной из любимых работ Стрельчика на ТВ была роль генерала Ковалевского в "Адъютанте его превосходитель-

ства", где он играл вместе с Юрием Соломиным, который рассказывает: "Такой индивидуальности, как Стрельчик, в мире больше нет. У него как у актера было все, и все со знаком плюс, все — достоинство, он всегда был предельно аккуратен, подтянут, мне он этим всегда нравился, и я старался ему подражать. А в работе это было просто чудо, он работал легко и никогда никаких претензий к партнеру, когда что-то не получалось и режиссер начинал нервничать, Стрельчик всегда умел снять напряжение, рассказать какую-то историю, он был мастер это делать."

Когда мы снимали "Адъютанта", мы работали очень много — по полторы-две смены, и у меня как-то раз что-то произошло, видимо, просто перенапряжение, я вдруг остановился, отключился, не знал, что делать, где я — стою и смотрю. Владислав Игнатьевич быстро все понял, они с режиссером вывели меня на улицу, он что-то говорил, и, когда я стал приходить в себя, Стрельчик вдруг стал играть Соломона из "Цены", он тогда только что сыграл эту роль в БДТ. Я прекрасно помню, как на моих глазах довольно молодой еще тогда человек стал превращаться в дряхлого старика — у него изменилось лицо, стали стариковские, чуть слезящиеся глаза, это был другой человек. Меня это просто потрясло, это был высший пилотаж актерского мастерства — в считанные секунды превратиться в абсолютно другого человека. Конечно, Владислав Стрельчик — это огромное явление нашей культуры, и счастье, что он у нас был, что мы его современники."

Стрельчик очень быстро стал мастером, даже в молодые годы, только начиная творческий путь, он был уже необыкновенно популярен и любим зрителями. В конце 40-х годов он вел драматический кружок в инженерно-экономическом институте, и с тех пор длилась его дружба с семьей Орловых, его бывших воспитанников по кружку. Вспоминает Елена Сергеевна Орлова, зав. химической лабораторией Кировского завода: "Мы дружим с 1949 года, впервые я его увидела в театре, он был неотразим — молодой, красивый, потом я узнала, что он ведет театральный кружок в инженерно-экономическом институте, и я специально перешла в этот институт, чтобы заниматься у него в кружке."

Мы часто встречали вместе праздники, дни рождения. Я вспоминаю, как мы с мужем

гостили у них на даче. Великолепное солнечное утро, Владислав Игнатьевич выходит на крыльцо, идет умываться, приходя к этому замечательному, всех вокруг: "Доброе утро, Владик проснулся!". Он испытывал восторг просто от того, что солнце светит, что небо голубое, от жизни вообще..."

Для многих молодых артистов БДТ Стрельчик был своего рода крестным отцом, это было счастье для них — начать свой творческий путь с работы с таким мастером. Много раз довелось играть с ним Геннадия Богачева: "Стрельчик — это открытая рана... Он отличался от многих артистов старшего поколения тем, что общался с тобой на сцене на равных, за 27 лет работы в театре я такого отношения не встречал, его доброжелательность я навсегда запомню. А в "Хануме" мы играли дядюшку и племянника, и эти отношения как-то перешли и на жизнь, я был для него как племянничек, это колоссально раскрепощало на сцене. На одном из первых спектаклей он сказал мне очень искренне: "Генка, слушай, а из тебя получится артист!". Эта фраза мне очень помогла в жизни, придала уверенности, тем более что это было сказано артистом, которого я страшно уважал, великим профессионалом."

Ответственность невероятная была у него и работоспо-

собность: он первый всегда знал текст наизусть и этим давал пример, он на репетиции всегда был лидером. Товстоногов считал это очень важным, чтобы был лидер, за которым бы все тянулись, который бы давал импульс. Профессионал был высшей пробы, все играл, в любых жанрах был органичен. А как говорил — ведь каждое словечко было слышно!

Всеобщий любимец был, мало того, что его партнеры любили, женщины его любили, и он женщин боготворил просто, настоящий был мужик! Вот он выходил на сцену и всех любил, любил! "Деточки мои, золотцы, сладкие, красивые" — и все это чувствовали. А какой щедрости был человек, ведь лучшие же банкеты в театре были его, все помнят его 60-летие — это же сказка. А последний день рождения! На репетиции "Макбета" достал из портфеля какую-то дорогую водку, шампанское, невероятной вкусноты селедку, тарелочки, вилочки, салфетки, все красиво, аккуратно. Репетиции, конечно, больше не было. Поздравили мы его, выпили, а вскоре на репетиции того же "Макбета" случилось с ним несчастье, я впервые видел у него такие растерянные глаза, не его глаза... Но запомнится он все же энергичным, радостным, широким, красивым, неотразимым, добрым!"

Последние годы Владислав Стрельчик был очень мало



занят в театре, но, как рассказывал Кирилл Лавров, никаких претензий к руководству театра, наоборот, он говорил Лаврову: "Не переживай, я найду себе работу, я понимаю"... Кто бы так мог сказать?! Для актера такого масштаба любой простой был трагедией, поэтому, когда он наконец получил роль, последнюю в своей жизни, в спектакле "Призраки", он просто порхал по сцене, он был счастлив, как ребенок. Вместе с ним в "Призраках" была занята Елена Попова:

"Для меня Стрельчик в жизни и на сцене одно целое — человек щедрый, добрый, широкий, он все делал от души, до конца. В профессии он был человек просто одержимый. Для его актерской индивидуальности характерна необыкновенная наблюдательность, он умел схватить впечатление, смешное или трагическое. Он, конечно, не все постиг личным опытом, что играл, но вот такая яркость восприятия и наблюдений в жизни, умение это перенести в профессию — это дар Божий. Он был очень открытым человеком, открытым и партнеру, и зрителю, до последних дней был в прекрасной форме, никогда в голову не приходило, что ему уже за 70."

Он был романтик и в жизни был немного артист в хорошем смысле, недаром про него говорили: "Наш последний барин". Но этот барин был отличным товарищем, сколько он добра сделал людям, сколько он мне помогал. Для него была радость, что его имя может помочь человеку, которому плохо. Как в партнере в нем было еще одно редкое качество: он реагировал не только на слова, на поворот твоей головы, на взгляд, на интонацию, абсолютно на все, это очень особое свойство, идущее от его человеческой природы, от трепетного отношения к профессии. Он никогда не пытался поразить в работе своим мастерством, он проходил такой же творческий процесс, как и все, мгновенно откликался на любую задачу, которую ставил режиссер. Для него театр был праздником, и он делал этот праздник для всех. Он входил в театр — и уже начинался спектакль: как он шел по коридору, как он гримировался, как он всем передавал привет. Рядом с ним всегда надо было быть подтянутым, нельзя было прийти непричесанным, потому что он сам всегда был аккуратен, причесан, душист и в хорошем настроении."

Все его существо говорило, что жизнь прекрасна, что надо ее ценить, что надо жить красиво. Он был большой ребенок, но не играл это, он действительно

но был таким: в нем не было фальши ни в жизни, ни на сцене, с ним было очень легко".

Есть человек, который знает Стрельчика лучше и глубже всех, самый близкий и дорогой ему человек, прошедший с ним всю жизнь, 45 лет они были вместе, удивительно гармоничные и красивые, полные любви и радости. Вспоминает вдова артиста, его ангел-хранитель Людмила Павловна Шувалова: "Он был чистым человеком, светлым и радостным. Я не объективна, но для меня он был самым лучшим человеком, совершенным человеком, легким, нетребовательным, добродушным, нежным. Моя мама, которая обожала Владика, удивлялась, что у него всегда хорошее настроение, и никто не видел его мрачным, злым. Он, конечно, мог и выпылить, и накричать, это всегда касалось неуважения к профессии, к делу, этого он не терпел, потом быстро отходил. А вообще он был очень терпим к людям, видел в них больше хорошего. Человек он был очень незащищенный, трогательный, по-детски доверчивый, с тонкой и ранимой душой, но это мало кто знает..."

Его очень любили и в театре, и в городе, и везде, куда бы мы ни приезжали, эту любовь чувствовали. И никогда для Владика не было никаких проблем. Раньше, когда были проблемы с продуктами, он заглянул в дверь магазина: "У вас есть то-то?" — "Для вас есть". Его обя-

ние располагало всех, никто не мог ему отказать. Это удивительное свойство природы, он таким родился. Если ему кто-то что-то делал, он всегда был благодарен, поэтому добро, сделанное им, всегда возвращалось обратно."

Мы прожили интересную и счастливую жизнь, никогда не расставались и не уставали друг от друга. Владик умел жить красиво, конечно, и жизнь благополучно складывалась, но еще и талант был, талант жить."

Он очень любил дом, я старалась, чтобы ему было уютно, удобно, чтобы ничто не мешало ему заниматься творчеством. Больше всего на свете он любил играть, в этом был смысл его жизни..."

Владислав Игнатьевич Стрельчик был поистине звездным артистом, звездным человеком, он был из тех, о которых Пушкин писал:

"Нас мало избранных, счастливых праздных, пренебрегающих презренной пользой, единого прекрасного жрецов..."

В нем и вправду было что-то моцартовское, необъяснимо светлое и возвышенное, веселое и живое. И пока будет жить искусство театра, будет сиять на театральном небосводе звезда редкой красоты и силы, звезда по имени Стрельчик.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ



Сальери в спектакле "Амадеус" П. Шеффера



Хотспер в спектакле "Король Генрих IV" В. Шекспира



Цыганов из спектакля "Варвары" М. Горького